

ИЗУЧЕНИЕ НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.Н. И Б.Н. СТРУГАЦКИХ: ПОВЕСТЬ «ДАЛЁКАЯ РАДУГА» КАК ПРИМЕР НРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ

Борода Е.В.

ТГУ им. Г.Р. Державина

Интерес к научно-фантастической литературе у подростков относится к разряду постоянных. И это объяснимо. Традиционная программа по литературе отличается высоким уровнем текстов и сложностью духовно-нравственных проблем. Это неплохо, и это необходимо. Но подростки тянутся к исследованию современной действительности. В этом отношении постоянным и востребованным представляется творчество братьев Стругацких, которое прочно вошло в разряд классики. Главным принципом творчества братьев-фантастов была декларация вечных ценностей посредством беллетризованного изложения, развлекательного сюжета. Кроме того, Стругацкие приближены к «большой» литературе, поскольку отличаются безусловным литературным вкусом.

XX век – это эпоха технического прогресса, набирающего свои обороты. Обострились проблемы, связанные с аспектами бытия человека в условиях нарастающей мощи технической цивилизации. Обширная проблематика произведений Стругацких концентрируется вокруг человека. Человек предстает в разных ипостасях, от Человека Всемогущего до Человека Обычного.

Человек Всемогущий – авторская модификация сверхчеловека, освещению которой писатели придают большое значение. Они осмысливают образ сверхчеловека в совершенно разных ракурсах, от мнимого бога глазами аборигенов отсталой планеты («Трудно быть богом») до ипостаси Великого инквизитора XXII века – Прогрессора. У Достоевского это Великий Инквизитор. У Замятина этот тип представлен в виде Благодетеля из романа «Мы». Однако Стругацкие показывают иную сторону этого масштабного

характера. Не стремление к власти и принятие третьего искушения, искушения властью, руководят им, а невозможность пройти равнодушно мимо страданий человека.

Наряду с образом сверхчеловека в художественном мире Стругацких существует и Человек Обычный, образ которого также варьируется от мещанина-обывателя до рядового труженика общества будущего. Последний мыслится авторами как воплощение героизма повседневности.

Социальная направленность творчества Стругацких тесно сопряжена с направленностью гуманистической. Антропоцентризм – не менее – стоит во главе их размышлений о будущем и настоящем. «Главное – на Земле», произнесенное Иваном Жилиным в финале повести «Стажеры», сродни горьковскому «Все – для Человека».

В повести «Далекая Радуга» (1962) обитатели одноименной планеты, сплошь ученые, стоят перед моральной дилеммой: жизнь для науки или наука для жизни. Их выбор отнюдь не прост, потому что человек в любом случае оказывается в проигрыше. Но они бы не были людьми, если бы не следовали принципу «из всех возможных решений выбирать самое доброе». Человек не может быть принесен в жертву ради гипотетической благодати человечества. Да и ради реальной благодати тоже. На этом строится любая этическая система – во-первых, отсутствие малейшего компромисса со злом, во-вторых, приоритет живого человека перед умозрительными концепциями. В сущности, это две основные евангельские заповеди: возлюби Бога и возлюби ближнего. Все остальное вмещается в эту этическую формулу.

На уровне всего населения планеты Далекая Радуга решается вопрос о будущем. В данном случае о том, чему суждено спастись на единственном звездолете: плодам труда нескольких десятилетий или самым юным жителям планеты-лаборатории. На самом деле каждым взрослым обитателем Радуги этот выбор уже сделан, и речь Этьена Ламондуа – это скорее нравственное кредо адептов науки, готовых принести в жертву будущему самое дорогое: собственных детей.

«Не на тридцать лет – на сто, двести... триста лет будет отброшена наука», – говорит Ламондуа, имея в виду потерю материалов исследования. «Ламондуа остановился, лицо его пошло красными пятнами, плечи поникли. Мертвая тишина стояла над городом.

– Очень хочется жить, – сказал вдруг Ламондуа. – И дети... У меня их двое, мальчик и девочка; они там, в парке... Не знаю. Решайте.

Он опустил мегафон и остался стоять перед толпой весь обмякший, постаревший и жалкий».

Это муки Авраама, жертвующего Исааком. И, как и в библейской истории, выбор делается в пользу человека. Будущее не принимает таких жертв. Ситуация, как и всегда у Стругацких, разрешается в пользу живого человека. Жизнь для науки – это личный выбор, но не решение за все человечество.

Выбором и ответственностью за него, в том числе и за возможные ошибки, определяется в конечном итоге сущность самого прогрессорства. Может быть, поэтому герой «прогрессорской трилогии» Рудольф Сикорски вызывает сочувствие, а не осуждение, несмотря на свою ксенофобию и агрессию. В ситуации с Львом Абалкиным, который, может быть, является оружием чуждой и враждебной цивилизации, Сикорски действует практически вслепую, не зная наверняка, какую опасность представляет собой Лев и представляет ли вообще. И получается, что он заранее готов к расплате за шаг, который может оказаться неверным.

Часто неправильное, неразумное решение у Стругацких выглядит более человечным, нежели следование правилам. Например, месть Руматы за гибель невинных («Трудно быть богом»), или выстрел Сикорски в финале повести «Жук в муравейнике». Выходка Майи Глумовой, в результате которой срывается контакт с неизвестной цивилизацией («Малыш»). Отказ Малянова, из-за тревоги за сына, от продолжения научного исследования, таящего в себе угрозу для мироздания («За миллиард лет до конца света»). Стругацкие ставят акцент таким образом, что наиболее важным в ситуации

выбора оказывается не правильность принятого решения, а способность взять на себя ответственность за него.

Список использованной литературы

1. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Собр. соч. Донецк 2009. Т. 3. С. 220.